

ПИТЕР
ПОКЕТ

АРМЕН
ГАСПАРЯН

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ПОКУШЕНИЙ И ЗАГОВОРОВ
ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ВОЖДЯ

УБИТЬ СТАЛИНА

«Эпоха Сталина была невероятно сложной. Иной стране таких потрясений с лихвой хватило бы на пару веков. Но одно несомненно: сталинское время заслуживает самого пристального внимания».

Армен Гаспарян, журналист, теле- и радиоведущий

Армен Сумбатович Гаспарян
Убить Сталина. Реальные
истории покушений и заговоров
против советского вождя
Серия «ПИТЕР ПОКЕТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22072611

*Убить Сталина. Реальные истории покушений и заговоров против
советского вождя: Питер; СПб; 2023
ISBN 978-5-00116-848-5*

Аннотация

И личность Сталина, и его эпоха до сих пор настолько мифологизированы, что добраться до истины – действительно непростая задача.

Какие заговоры с целью убийства Сталина были реальными? Кто стоял за ними – и как советскому вождю раз за разом удавалось избежать смерти?

В своей книге известный политолог и журналист Армен Гаспарян покончит с мифами вокруг покушений на Сталина.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	6
Выстрелы революции и в революцию	11
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Армен Гаспарян Убить Сталина. Реальные истории покушений и заговоров против советского вождя

*Моему деду и его отцу, участнику
революционного движения с 1895 года, члену РСДРП
(б) с 1904 года.*

Часть средств от продажи книги будет перечислена в библиотечные фонды территорий, пострадавших от военных действий.

Информация, содержащаяся в данной книге, получена из источников, рассматриваемых издательством как надежные. Тем не менее, имея в виду возможные человеческие или технические ошибки, издательство не может гарантировать абсолютную точность и полноту приводимых сведений и не несет ответственности за возможные ошибки, связанные с использованием книги.

© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2022

© Армен Гаспарян, 2022

© Фото на обложке РИА Новости, автор Анатолий Гара-
нин, 2022

Предисловие

Очередной печальный юбилей: 85 лет назад после попытки государственного переворота начались масштабные политические репрессии в СССР. Выучили мы этот роковой урок нашей истории? Или, по крайней мере, осознали его? К огромному сожалению, я должен констатировать, что нет. Более того, многие даже принципиально не собираются это делать. Общество до сих пор не освободилось от многолетних пропагандистских постулатов. И сегодня многочисленные газетные клише тяжелейшей эпохи зачастую заменяют нам подлинные исторические знания. К примеру, никак не удастся начать рассуждать о деле Тухачевского так, как мы уже много лет говорим об эпизодах Великой Отечественной войны.

К огромному сожалению, даже попыток таких не делается. И совершенно напрасно. Нам могут категорически не нравиться какие-то отдельные факты и обстоятельства условного «учебного 1942 года», но это ведь не мешает признавать их составной и очень важной частью ушедшей эпохи. И все понимают, что иначе наше знание о прошлом никогда не будет полным. Величие истории от этого не страдает, подвиг не перестает считаться подвигом, а преступление не становится добродетелью. В случае же с событиями 30-х годов прошлого века эта схема категорически не работает. И

прежде всего – в отношении к Сталину.

Жаркие споры об этой исторической фигуре мирового масштаба не смолкают ни на один день. Я мог бы понять, если бы с подобным азартом дискутировали о частностях, пусть и значительных. Их хватает в биографии любого серьезного политика. Но в данном случае проблема стоит гораздо более остро, она заключается в оценке личности Иосифа Сталина. Кем он был для нашей страны – героем или злодеем? Взгляды многих участников дискуссии остаются даже более радикальными, чем при его жизни. Одни исступленно ненавидят лидера большевиков, отказывая ему даже в праве считаться Верховным главнокомандующим армии в годы Великой Отечественной войны. Другие убеждены в абсолютной непогрешимости Сталина, и их трясет от простого упоминания совершенных в те годы преступлений.

Если бы эти гражданские позиции базировались на подлинном знании истории собственной страны, это было бы огорчительно, но хотя бы не так прискорбно. Однако в данном случае основу массового представления о прошлом составляют исключительно мифы. В широчайшем диапазоне: от многократно переписанных установок советского агитпропа до убежденности западных советологов в справедливости их оценок Сталина. При этом каждая из противоборствующих сторон старается по мере своих сил переписать историю, убрать из нее навсегда все то, что ей не нравится. И, стоит признать, зачастую им это удается.

Многие, к сожалению, упорно не хотят признаться хотя бы самим себе, что подобный подход к невероятно сложному прошлому собственной страны если к чему-то и способен привести, то исключительно к дальнейшему успешному существованию в абсолютном интеллектуальном тумане. Вам может категорически не нравиться история СССР, и прежде всего сталинская эпоха. Вы искренне считаете, что, например, при Тухачевском проявлялось бы больше уважения к человеческой жизни. Или удалось бы избежать страшных поражений лета 1941 года. Да, вы имеете на это полное право. Но поймите при этом главное: это самое право – не любить прошлое своей страны – не дает вам возможности отменить события 85-летней давности. Вы так и будете бесконечно критиковать Генерального секретаря ВКП(б), подменяя знания профанацией, а конечный результат от этого не изменится, сколько ни пытайтесь.

Мне представляется чрезвычайно важным знать и, самое главное, понимать суть сталинской эпохи. Я предлагаю вам рассмотреть ее на примере многочисленных заговоров против советского лидера. От истории старых, заслуженных большевиков Енукидзе и Петерсона, больше известной как дело «Клубок», до событий марта 1953 года. Это была страшная эпоха в истории нашей страны. Да, в ней присутствовал элемент романтики, но стоит признать: исключительно на страницах газет и в лекциях всевозможных агитаторов. Построение принципиально нового общества насла-

ивалось на многочисленные политические процессы, и за всем этим прежде всего стоял Сталин.

Большинство очевидцев событий склонялись к мнению, что это были исключительно тяжелые и судьбоносные годы. Подобными оценками переполнены многочисленные воспоминания о том времени. И почти в каждом из этих свидетельств упоминаются Сталин и в той или иной степени попытки заговоров против него. В резко отрицательном или исключительно положительном смысле. Так, может быть, нам сегодня стоит избавиться от радикализма в суждениях, уйти от бесконечной шлифовки исторических реалий к спокойному и, главное, взвешенному подходу к собственному прошлому? Восемьдесят пять лет прошло, настало время осмысления.

Эпоха Сталина была невероятно сложной, иной стране таких потрясений с лихвой хватило бы на пару веков. Масштабные политические репрессии, Великая Отечественная война, многолетняя кровавая борьба с украинскими националистами, новые политические реалии и новое общество. В этом можно и нужно находить поводы для гордости или негодования. Но одно несомненно: сталинское время заслуживает самого пристального внимания.

За годы работы на радио я рассказал о покушениях на Сталина, казалось бы, все что можно. Не обходил острые углы, не уклонялся от обсуждения самых сложных моментов, не манкировал участием в дискуссиях на не самые приятные

темы, рассказывал обо всем подробно и беспристрастно. Но и количество вопросов ко мне не уменьшалось. Напротив, их количество росло как снежный ком после каждого подробного рассказа о той эпохе. Пользуясь предстоящим 85-летием тех событий, я в этой книге попытаюсь ответить на большую часть из них.

Перед вами не очередной сборник документов или трудночитаемая монография со множеством приложений в виде научно-справочного аппарата. Таких книг напечатано немало, и можно предположить, что в ближайшее время их число увеличится. Если будет желание – сможете с ними ознакомиться. Но эта книга и не учебник истории для средней школы. Представьте себе, что вы настроились на частоту любимой радиостанции. Присаживайтесь поудобнее и приготовьтесь слушать. Я буду рассказывать вам в той же манере, к которой вы привыкли за эти годы. Все останется неизменным: неожиданные сравнения, ирония, сарказм, жесткие оценки, уважение, негодование и беспристрастные оценки.

Я выражаю огромную признательность Владимиру Соловьеву, в чьей программе «Полный контакт» на радио «Вести FM» окончательно сформировался стиль серии книг «Тайные смыслы истории». Отдельное спасибо читателям моего «Твиттера», которые помогли мне определить основные мифы ушедшей эпохи и понять, на что обязательно нужно обратить внимание.

Армен Гаспарян

Выстрелы революции и в революцию

*С программой партии можно не соглашаться,
идейно можно расходиться, достаточно
признавать бомбу – вот идеология Савинковых.
Ф. Кон*

Долгие годы в Советском Союзе бытовал устойчивый миф: политических убийств и заговоров у нас нет и не может быть по определению. Были, конечно, отдельные отщепенцы в далекую уже эпоху революции, но это контра старалась. За совершенные гнусности она была изничтожена под корень, и теперь подобные эксцессы в стране победившего социализма существуют только в кино и детективах. Это там, на загнивающем Западе, могут убить президента США. Бандитский капитализм, он такой. И даже на папу римского покушались,

поднялась же рука у негодяев! Впрочем, что с них взять – кризис духовности при капитализме неизбежен! Только, если пойдут по славному пути, проложенному Марксом и Лениным, поборов в себе мелкобуржуазные наклонности, тогда еще у них есть шанс. А вот у нас, с этой точки зрения, все исключительно хорошо. Можем всем пример подавать и делиться передовым опытом социалистической нравственности и великолепной политической зрелости. С такими мыслями многие счастливо жили годами и даже десятилетиями.

Россия – страна с богатой традицией покушений.

Первой жертвой пал император Павел I. Его, как известно, подло убили. Но, как справедливо заметил незабвенный Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей, об этом не рекомендуется говорить вслух, и вполне понятно почему. Покушались-то свои, те, кто, напротив, должны были самозабвенно служить монарху до последней капли крови, до последнего вздоха. Графы Петр Пален и Никита Панин вместе с прикнувшим к ним бароном Леонтием Беннигсенom ударили помазанника Божьего фунтовой табакеркой в висок, а потом накинулись на государя императора, как деревенские мужики на конокрада, да запинали насмерть.

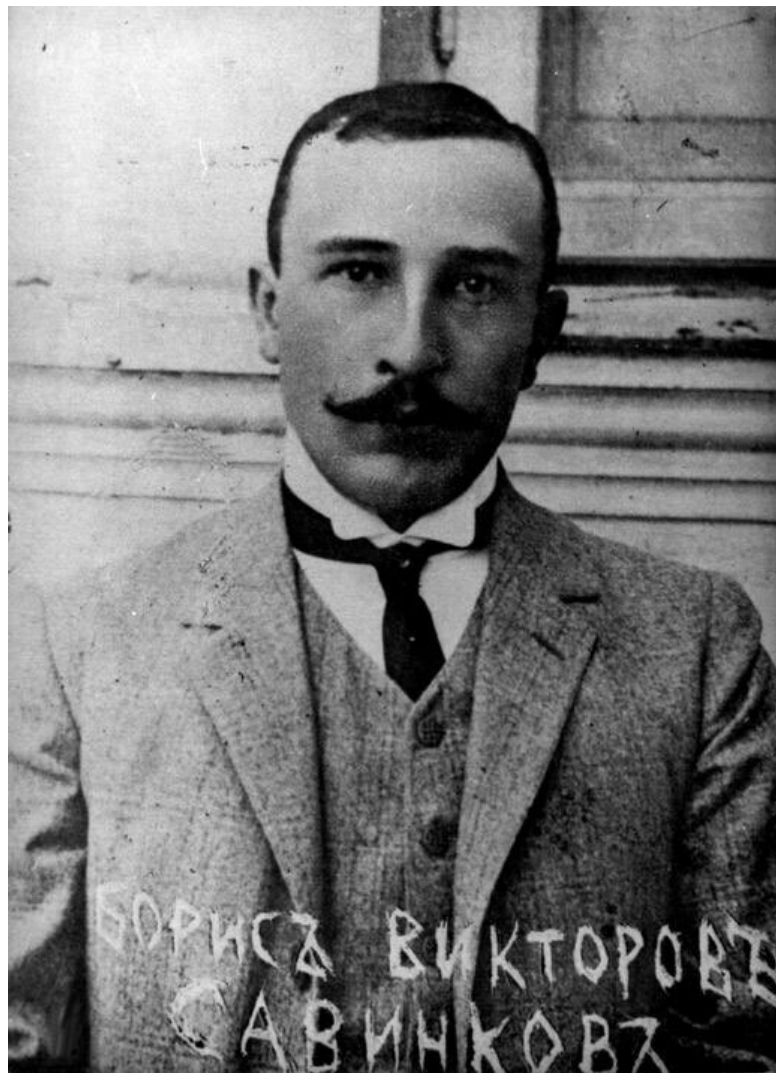

Император Павел I

Монархисты, что нынешние, что прежние, об этом вспоминать категорически не любят. Неловко им как-то. Потому и переводят старательно разговор на первые годы XX столетия. Вот где действительно был разгул политического экстремизма. В самом деле, стреляли и взрывали от души. Буквально горели на опасной работе. Себя не берегли абсолютно, возводя людобойство в норму общественной жизни. Это, конечно, еще не эпоха «крестосева» (ее время наступит в 1918 году), но однозначно – прелюдия к ней. Обычные заговоры лишь придавали дополнительный шарм той эпохе. И поэтому, прежде чем мы с вами начнем изучать разнообразные неудачные попытки сжить со света лучшего друга советских детей товарища Сталина, необходимо совершить краткий экскурс в историю вопроса. Выявить корни явления. Без этого многие обстоятельства той эпохи могут быть вам не до конца понятны.

Начнем, разумеется, с самого известного с этой точки зрения человека. С подлинного символа террора не только в Российской империи, но и во всей Европе в первые годы XX века, с постоянного ночного кошмара Отдельного корпуса жандармов и перманентного ужаса виднейших царских сановников, с боевой безостановочной машины смерти. Вы правы, это он – Борис Савинков. Вот уж для кого было все едино – что кровь, что вода. Многие достижения недоучив-

шегося студента и перспективного поэта не превзойдены до сих пор. И слава богу, добавлю я. Вовсе не ту память оставил о себе Борис Викторович, чтобы ею гордиться. Будучи талантливым человеком, он, к сожалению, поставил все свои многочисленные дарования исключительно на службу террору и политическому экстремизму. Он в этом весьма преуспел, не спору. Но, скромно потупив взор, поинтересуюсь: каков же итог его кипучей деструктивной и откровенно преступной деятельности? Едва можно назвать достойным финалом жизни прыжок из окна кабинета следователя на Лубянке. Иного, впрочем, Савинков и не заслужил.

Б. В. Савинков – один из лидеров террористической «Боевой организации партии социалистов-революционеров»

Сегодня многие, рассуждая о русских революционерах начала прошлого века, почему-то твердят о какой-то врожденной патологии у всех этих людей. Дескать, они были злыдни, каких еще не видела русская земля-матушка, исключительно в силу разнообразных психических отклонений с детства. Это все совершенная чепуха: ни лидеры большевиков, ни лидеры эсеров в абсолютном большинстве своем не были подвержены подобным недугам. Ими двигали исключительно политические мотивы – заикленность на цели, которая у них всегда оправдывала средства. Это характерно для русских революционеров начала XX века. И коли речь у нас зашла о Борисе Савинкове, давайте пристально на него посмотрим. Любопытнейшая фигура того времени, знаковая.

Родился он в январе 1879 года в Харькове, в семье юриста и писательницы. Детство провел в Варшаве. В год окончания гимназии был впервые арестован полицией за участие в беспорядках. Тогда польская интеллигенция яростно протестовала против открытия памятника усмирителю восстания 1863 года графу Муравьеву (он приходился дядей знаменитому декабристу). Своим прозвищем Вешатель он чрезвычайно гордился и даже остроумно шутил, что он не из тех Муравьевых, кого вешают, а из тех, кто вешает. Именно так

он и действовал в Варшаве, значительно сократив население города. Реакционеры, они такие.

Савинкову очень понравилось быть бузотером. Поступив в Петербургский университет на юридический факультет, он недолго грыз гранит науки. Вместо изучения основ права Савинков принимал участие в студенческих беспорядках и закономерно попал в полицию. Интересно, что один из главных противников большевиков в то далекое время активно исповедовал марксизм и даже был принципиальным противником любого террора. От тюрьмы его это, впрочем, не спасло.

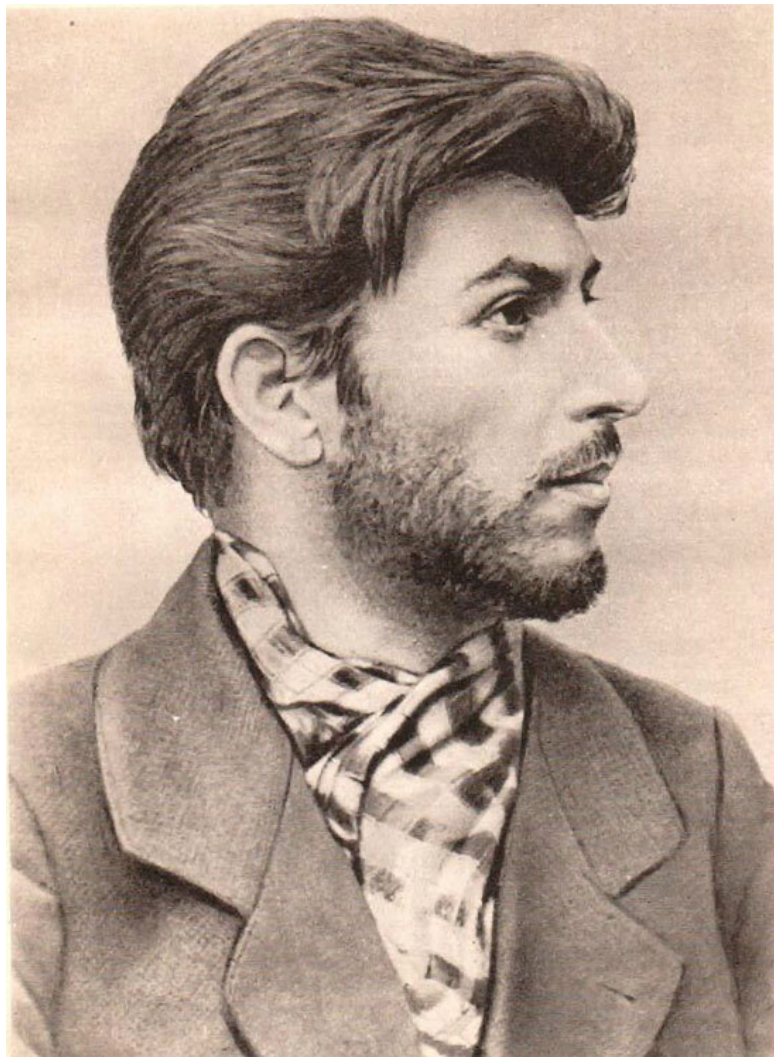
Уроков из собственного печального опыта Борис Викторович не извлек и на свободе пробыл недолго. Революционная стихия захватила его с головой. В 1901 году Савинков снова оказывается за решеткой, на этот раз – по делу социал-демократической группы «Рабочее знамя». Входили в нее исключительно сторонники Плеханова и Ленина. Спустя годы, когда Борис Викторович станет уже «тем самым Савинковым», большевики предпочтут об этом факте не вспоминать. Как и сам бунтарь. Он ведь был авторитетным марксистом, ведущим сотрудником газеты «Рабочее дело», одним из самых талантливых пропагандистов в рабочей среде. В частности, именно Борис Викторович выдвинул лозунг «Насилие недопустимо ни в коем случае и ни для каких целей». И вдруг такая мимикрия или, выражаясь языком тех лет, перерождение в классового врага!

Граф Муравьев. Получил прозвище Муравьев-вешатель

Савинков с его темпераментом и харизмой вполне мог бы со временем стать одним из лидеров большевиков.

Участвовал бы в партийных съездах, выступал бы на митингах, вошел бы в первый Совет народных комиссаров, его именем называли бы пионерские отряды и пароходы, и похоронили бы товарища с почестями у Кремлевской стены. Если, конечно, он пережил бы репрессии конца 30-х годов. Но вмешался его величество случай. Одна встреча кардинально поменяла всю его жизнь. Так случается сплошь и рядом. Вот, например, мой прадед познакомился в 1896 году с неким Иосифом Джугашвили, которого друзья называли просто Кобой. И все – партия Ленина получила еще одну боевую единицу, готовую ради своей цели идти до конца. Даже вынесенный по итогам первой русской революции смертный приговор не сбил прадеда с курса, заданного РСДРП (б).

Так произошло и с Савинковым. В вологодской ссылке он познакомился с легендарной «бабушкой русской революции» Екатериной Брешко-Брешковской. Многие, вероятно, никогда не слышали об этой неугомонной женщине. Понимаю, нынче другая эпоха. Это огорчительно, но не так страшно. Сейчас восполним досадный пробел. Она была одним из создателей боевой организации партии социалистов-революционеров, до и после этого активно чередовала каторгу, тюрьмы и ссылки. В те редкие минуты, когда она не докучала русской монархии подготовкой очередного террористического акта, отчаянно тосковала. Но вовсе не по обычному человеческому счастью, как многие, вероятно, поспешили подумать. О другом печалилась эта вечно беспокойная душа.

Очень ей было огорчительно наблюдать, как народовольческий террор уходит в прошлое, а на смену ему заступают доморощенные марксисты. А это была та еще публика. Опыт бунтарей предыдущего поколения ими в лучшем случае осмеивался, а в худшем – немедленно отправлялся в мусорную корзину без лишних сантиментов. И вот сидит Брешко-Брешковская в ссылке среди столь популярных сегодня на Украине бурятов и горюет: пропало дело, которому она без остатка посвятила всю свою жизнь! Мириться с этим «бабушка русской революции» категорически не собиралась. Да

и соратники не подкачали, накопили силушку, закваску подпольную проявили и пошли стрелять да взрывать без устали сановников царских за народное счастье.

Е. К. Брешко-Брешковская – одна из создателей и руководителей партии социалистов-революционеров

Все это Брешко-Брешковская и поведала Савинкову со свойственным ей энтузиазмом. И в этот миг скоропостижно скончался подававший большие надежды молодой марксист, и миру явился расчетливый террорист. Сам он потом так опишет произошедшую с ним метаморфозу: *«Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода? И зачем мне она? Во имя чего я иду на убийство? Во имя террора, для революции? Во имя крови для крови? Но я не могу не убить, ибо люблю. Если крест тяжел – возьми его. Если грех велик – прими его».*

Обращаю ваше внимание на стиль объяснения. Классическое построение аргументации для русской интеллигенции начала XX века. Истолковать заповедь «Не убий» в пользу революции через призму героя Достоевского и немедленно начать руководствоваться новой догмой. Предвижу возражение: одно дело – рассуждать в теории и совсем другое – перейти в практическую плоскость.

Сочувствовали террористам многие, видя в этом даже определенный романтизм, но ведь далеко не все стали Савинковыми.

Не все, разумеется. Но еще больше радикализировались борцы с самодержавием, и без того не отличавшиеся ангельской кротостью. Многие люди используют тюремное заклю-

чение не для осмысления собственных ошибок, а для активной подготовки новых преступлений, еще более тяжких. Особенно ярко это проявлялось в случае с пенитенциарной системой Российской империи. Будущий легендарный боевик уже был морально готов ко греху. Активная революционная деятельность, скажем прямо, только этому и способствует. Встреча же с Брешко-Брешковской стала лишь последним аргументом для Савинкова в пользу террора. И не только для него.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Если у тебя в самых близких людях числится человек, готовый убивать кого угодно, то и ты пойдешь ровно той же недолгой дорогой на эшафот, зачастую даже обгоняя этого своего друга. Так было и в случае с Савинковым. Пару ему в этом коротком спринтерском забеге со смертью составил студент-недоучка и талантливый поэт Иван Каляев. Вдвоем они бегут с каторги, держа путь в Швейцарию. Их там уже с нетерпением ждет один из лидеров социалистов-революционеров Михаил Гоц. Ему сразу с порога юноши объяснили, что видят себя только в терроре. Чем-то Савинков Гоцу приглянулся, и уже через несколько дней он познакомил его с Евно Азефом.

Это был исключительно неприятный человек во всех смыслах и значениях этого слова. Никто из российских революционеров ни до, ни после него не умел произвести столь отталкивающего впечатления в первые же минуты знакомства. Непомерно толстый, одутловатое лицо с желтизной,

темные широко посаженные глаза, низкий лоб, жирные губы и узкий череп. Он смотрел на собеседника исподлобья. Классический ломбрововский тип; увидишь такого – и замрешь от ужаса и отвращения. Дорогая одежда лишь подчеркивала исключительное физическое уродство. Но при всем при этом от него исходило такое невероятное спокойствие и хладнокровие, что любому человеку становилось не по себе. Словно заглядываешь в бездну. Она манит, вы практически неспособны сопротивляться, хотя и понимаете, что нужно остановиться. До падения остается всего лишь шаг, но вы сделаете его, можете не сомневаться. Как говорится, поезд идет только в одну сторону. Доказано всеми членами эсеровской боевой организации.

М. Р. Гоц — один из лидеров социалистов-революционеров

Помните, как сыщик Глеб Жеглов старательно перечислял: «Ларичева Маня, она же Анна Федоренко, она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же Изольда Меньшова, она же Валентина Панеят»? Это в полной мере относится и к Евно Фишелевичу Азефу. Он же Валентин Кузьмич, он же Виноградов, он же Иван Николаевич и еще ряд вымышленных имен. Начал он свою опасную карьеру с незначительной и малопочтенной должности осведомителя охраны. Получал за это 50 рублей ассигнациями. Но через десять лет он стал зарабатывать раз в десять больше.

Огорчало его лишь то прискорбное обстоятельство, что жалованье платили нерегулярно, а он привык жить широко. Это вам не аскет-большевик, каждую копейку обращающий на борьбу с ненавистным самодержавием. Азеф любил вкусно поесть в дорогих ресторанах и вина предпочитал соответствующие. Все это требовало немалых расходов. Именно поэтому он буквально заваливал своего куратора в охране жалостливыми письмами с единственной просьбой: очень хочется поскорее ощутить в кармане приятный шелест купюр, и желательно покрупнее.

Е. Ф. Азеф — лидер боевой организации партии социалистов-революционеров и по совместительству агент охраны

Предвижу логичные вопросы: знаменитые убийства великого князя и министра Плеве точно подготовил он? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки? Не похож он на настоящего революционера, какими их все себе сегодня представляют благодаря отечественному кинематографу, больно уж неприятный персонаж. Я сам задавал себе такие же вопросы, когда впервые услышал про Азефа более четверти века назад. Так ведь и судить человека нужно не по внешности, а по внутреннему стержню. Я не случайно сравнил Азефа с бездной. Вот послушайте, что он сам о себе говорил: *«Я местечковый еврей, который и должен был пойти в революцию. Ничего хорошего от царского режима мы не видели. Но мы сделаем так, что у всей России затрещат кости»*. Оценили? И это не фигура речи: кости действительно затрещали. При самом активном участии Бориса Савинкова и вся империя тот треск услышала.

Дальнейшая жизнь главного террориста со временем станет похожа на увлекательный приключенческий роман в стиле Майн Рида и Конан Дойля. Собственно, таковой его биография действительно и была, без всякого литературного вымысла.

В ней в равной степени сочетались рисовка, романтизм и презрение к собственной смерти, не говоря уже о чужой. Но

еще больше в этом было демонстрации собственного мессианства. Оно в конечном счете и погубило последовательно репутацию, карьеру и жизнь самого Савинкова. Но на тот момент он исполнял главную роль в пьесе, которую написал и лично поставил.

Цель была назначена сразу масштабная: некогда размещаться на пустыки. Ликвидация министра внутренних дел и шефа корпуса жандармов Российской империи Вячеслава Константиновича фон Плеве. Исполнитель имелся. Пойти на убийство вызвался близкий друг Савинкова Иван Каляев. Но Азефу он чем-то не понравился. Несостоявшийся террорист был взбешен и даже бросил в сердцах: *«В жизни не видел отвратительней этого толстопузого купца. Я служу партии и делу освобождения России. И буду работать там, где найду более нужным и целесообразным»*. При этом под определением «работать» подразумевается исключительно деструктивная деятельность, предусмотренная целым букетом статей Уголовного уложения Российской империи.

Но Азефу не было никакого дела до застывшего в обиженной позе Каляева. Как и любой опытный террорист, он был начисто лишен сантиментов. Он составил хитрый план – взорвать карету Плеве. Но с наскока этого нельзя было сделать. Следовало подготовиться: тщательно изучить маршруты передвижений министра по столице, зафиксировать время в пути, проанализировать численность и расстановку охраны,

выбрать место для сигнальщиков и запасного метальщика бомбы. Кроме этого, нужно было продумать пути отхода всей группы. Члены боевой организации партии социалистов-революционеров под видом извозчиков, продавцов газет и папирос вели постоянное наблюдение. Менялись местами, чтобы не привлекать к себе внимание полиции. Вечерами вся собранная информация докладывалась руководителю группы. Несложно догадаться, что это был лично Савинков.

**В. К. фон Плеве – министр внутренних дел и шеф корпуса
жандармов Российской империи**

И. П. Каляев – близкий друг Бориса Савинкова

С одной стороны, Азеф всячески одобрял и направлял подобного рода деятельность. Но с другой – деньги он любил не меньше своей революционной карьеры. Вероятнее всего, даже значительно больше. Именно поэтому он отправил своим кураторам следующее донесение: *«Для покушения на министра предполагается применить динамит, коего в распоряжении имеется до двух с половиной пудов. Никого из исполнителей пока еще в Петербурге нет. Руководителя обещали прислать из-за границы, и кажется, что он уже приехал в Россию, но в Петербурге его еще нет. Министра предполагают подкараулить при выходе от одной дамы, проживающей на Сергиевской»*. То есть вам сообщают главное: на Плеве готовится покушение. А все остальные детали, которые гораздо важнее с этой точки зрения, оказались классической обманкой. Именно она и позволила Савинкову совершить в конечном итоге то ставшее легендарным убийство.

18 марта 1904 года все должно было пройти по тщательно разработанному плану. Нервно прогуливаясь по Летнему саду, Савинков услышал взрыв. Однако повода для радости не оказалось. Скорее напротив: появилась ненависть к трусости. Как потом выяснилось, покушение не состоялось. Один из боевиков, Давид Боришанский, не кинул бомбу в проезжавшую мимо него карету, хотя находился в превосходной позиции. Экипаж министра едва не сбил его с ног, настолько

близко он стоял от него. А как же взрыв, который услышал Савинков? – спросит меня пытливый читатель. Будущая легенда мирового терроризма в армии, разумеется, не служил, а потому и перепутал взрыв бомбы с выстрелом полуденной пушки в Петропавловской крепости.

Первый блин почти всегда и у всех выходит комом. После недолгих размышлений Савинков решается довести убийство Плеве до конца. Он меняет легенду, теперь он – преуспевающий представитель английской фирмы и живет в роскошной квартире на улице Жуковского. Рядом с ним гувернантка. И лишь очень немногие знают, что и она – боевик. Дора Бриллиант, подавшаяся в революционное движение из очень зажиточной еврейской семьи. Также рядом с Савинковым находится лакей. Это Егор Сазонов, который и станет через несколько дней убийцей министра внутренних дел Российской империи.

Е. С. Сазонов – убийца В. К. фон Плеве

Рассчитано все, вплоть до последней мелочи. Члены боевой организации социалистов-революционеров отказываются от покупки автомобиля, хотя на этом настаивал Азеф. Нечего тратить попусту деньги, и без машины ликвидация состоится. Савинков скажет в те дни в разговоре с Каляевым: *«Жертвую собой – для себя. Потому что я этого хочу, тут моя воля решающая. Я, может быть, буду бороться одиночкой, не знаю. Но иду только до тех пор, пока сам хочу идти, пока мне радостно идти и бить тех, кого я бью!»* Жить Плеве оставалось несколько месяцев.

15 июля 1904 года. Савинков с задумчивым видом, тщательно скрывая волнение, смотрит вслед уходящему на убийство министра Сазонову. Тот одет в форму железнодорожника. В руках – пятикилограммовое взрывное устройство, завернутое в газету и перевязанное веревкой. Так удобнее нести. Пройдет несколько часов, и «адская машина», как называли бомбу современники, окажется под каретой Плеве. Взметнется столб дыма и пыли, министр в последний момент попытается заслониться руками. Куда там, смерть будет мгновенной. Сазонов чудом останется жив, попытается крикнуть «Да здравствует революция!», но не сможет – лишится сознания от потери крови.

Савинков демонстрирует поразительное самообладание и лично придет на место убийства. Презрительно оттолкнет ногой окровавленный кусок мяса, считая, что это все, что осталось от Егора Сазонова в результате неудавшегося поку-

шения. Только потом он увидит в газете портрет министра в траурной рамке и поймет: все получилось так, как он и задумывал. Из столицы Савинков отправится в Москву, чтобы сообщить все подробности успешной операции Азефу.

Быть террористом Савинкову понравилось. О своих прежних принципах он больше никогда не вспоминал, вычеркнул эту главу из собственной жизни.

Теперь это был уже совершенно иной человек — убийца, воспевающий перед соратниками свое полное презрение к гильотине.

Интересно, что в департаменте полиции на лидера эсеровских боевиков тогда составили следующую характеристику: *«Представляет собой наиболее опасный тип противника монаршей власти, ибо он открыто и с полным оправданием в арсенал своей борьбы включает убийство. Слежка за ним и тем более предотвращение возможных с его стороны эксцессов крайне затруднительны»*. Но дальше в решении стоящей перед ними проблемы не пошли. Эпоха ледорубов и коробок шоколадных конфет со взрывчаткой придет еще не скоро. А на ниве Уголовного уложения Империи приходилось уповать исключительно на удачу.

Полицейские чины на месте убийства Плеве. В центре – остатки экипажа, в котором ехал министр

Савинков не сидит сложа руки. Он немедленно берет-ся за новое громкое дело: убийство великого князя Сергея Александровича. Исполнитель имеется надежный – близкий друг Иван Каляев. Тот был крайне огорчен, что не он лично убил Плеве, и жаждал показать себя перед партией социалистов-революционеров во всей красе. Савинков был, разуме-ется, «за». На подготовку теракта ушло полгода. Покушение состоялось 4 февраля 1905 года. Откроем московские газеты того времени: *«На месте взрыва лежала бесформенная ку-ча, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуро-дованного тела. Публика осматривала следы разрушений; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других*

частей можно было разобрать только руку и часть ноги».

Великий князь Сергей Александрович

Сам же Савинков продолжал играть в орлянку с судьбой. В тот день он с показным равнодушием прошел мимо места покушения. Дойдя до Кузнецкого моста, он услышал глухой звук, словно где-то недалеко выстрелили из пистолета. Сначала он даже не обратил на него внимания, слишком не похоже это было на взрыв бомбы. И только спустя какое-то время он увидел бегущего мальчишку, который громко кричал: «Великого князя убило, голову оторвало!»

Лидеры партии социалистов-революционеров торжествовали. Чернов, например, искренне считал, что после этого рабочие и крестьяне сломя голову ринутся в революцию и в результате власть немедленно перейдет к эсерам. Савинкова, казалось, все эти разговоры вовсе не интересовали. Для него террор стал важнее партийной идеологии. Не случайно он утверждал, что убийство по политическим мотивам – внепартийное дело, поскольку служит оно всей революции в целом. А значит, убивать ради будущего народного счастья может кто угодно – хоть марксист, хоть анархо-синдикалист. Все посильно приближают главную цель: свержение ненавистной монархии.

Разрушенная взрывом карета, в которой находился великий князь Сергей Александрович

Савинкова даже не заботил простой вопрос: а на чьи деньги он, собственно, готовил убийства Плеве и великого князя? Узнав, наконец, что средства выделили японцы, Борис Викторович был заметно смущен. Не очень это вязалось с его представлениями о революционной жизни. Но Азеф объяснил: если они сделают большое дело (сиречь убийство видного сановника), народ моментально пойдет за ними. А если ничего не делать, то они так и останутся на обочине процесса. Лидер эсеровских боевиков так резюмировал тот раз-

говор: «Эх, ваше сиятельство, людей убиваете, а все в белых перчатках ходить хотите, верно, Гоц тебя скрипкой Страдивариуса зовет. Все рефлексии, вопросики, декаденщина всякая, как это – “о, закрой свои бледные ноги!”»

До октября 1917 года эти события считались апогеем политического террора. Тогда казалось, их невозможно пре-
взойти. Уже сам Савинков разочаровался в убийствах и даже успел побывать на видных государственных постах в эпоху Временного правительства. Но тут на авансцену выходят большевики, раскланиваются во все стороны, и эстрадное представление «Стреляй и взрывай» начинается сначала, причем с еще большим азартом. Новая эпоха – новые мишени. Про покушения на лидера РСДРП (б) я подробно писал в книге «Тайны личности Ленина». Поэтому переходим к первому из актов идеологического насилия.

Сегодня Моисея Соломоновича знают примерно в той же степени, что и, скажем, князя Безбородко. Мало кто может внятно сказать, кто это такие. Только самые подкованные борцы с тоталитаризмом, тесно сгруппировавшиеся нынче вокруг партии «Парнас», так и норовят упомянуть Урицкого в числе основных виновников и даже зачинщиков «красного террора». В такие мгновения я немедленно вытягиваюсь в струнку, щелкаю каблуками и вспоминаю прекрасные строки поэта: «Вот почему с такой любовью, с благоговением таким клоню я голову сыновью перед бессмертием твоим». Только в данном случае не перед бессмертием, а перед

исключительным интеллектуальным вакуумом.

Б. В. Савинков в 1917 году

М. С. Урицкий – председатель Петроградской ЧК стал первой жертвой новой волны политических убийств

Эти люди упорно не хотят понять, что как раз Урицкий, находясь на посту председателя Петроградской чрезвычайной комиссии, категорически выступал против расстрелов. Он искренне считал, что ничего хорошего подобная жесткая мера не даст. Не говоря уже о том, что кровавая большевистская вакханалия как раз и стала ответом на убийство Урицкого. По крайней мере, так «Красная газета» (официоз Пет-

росовета, как мы сказали бы сегодня) писала в те дни: «*Убит Урицкий. На единичный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором. За смерть одного нашего борца должны заплатить жизнью тысячи врагов*».

Этому акту политического экстремизма с точки зрения истории не повезло особенно. Масштабная конспирологическая теория «русский народ от мала до велика сопротивлялся злым и коварным евреям-большевикам» в данном случае категорически не работает. Дело в том, что Моисея Соломоновича Урицкого убил Леонид Иоахимович Каннегисер, отомстивший за гибель своего друга. Но нет такой вершины, которую невозможно одолеть при большом желании. Что с завидным постоянством и демонстрируется. Поэтому и появился зажигательный монолог известного публициста русской эмиграции Ивана Лукьяновича Солоневича: «*Мы не имеем права забывать и о том, что еврей палач Урицкий был убит рукой героя – еврея Каннегисера. Когда мы будем ставить памятники героям и жертвам нашего грядущего освобождения, ни Каннегисера, ни Каплан мы не имеем права забыть*». Однако первого из боевиков в результате благополучно и оперативно забыли, несмотря на то, что он был расстрелян.

Обратите внимание на полное и стремительное изменение мировосприятия. Если до известных событий 1917 года консерваторы и правые бурно возражали против политического террора, считая его недопустимым, то после прихода к

власти большевиков и последовавшей за этим Гражданской войны перестали видеть в нем что-то плохое. Напротив, сами начали активно его проповедовать. Особенно после ухода в эмиграцию. Согласимся, иных действенных методов борьбы за Россию, которую они потеряли, у них просто не оставалось. А бездействие многим претило.

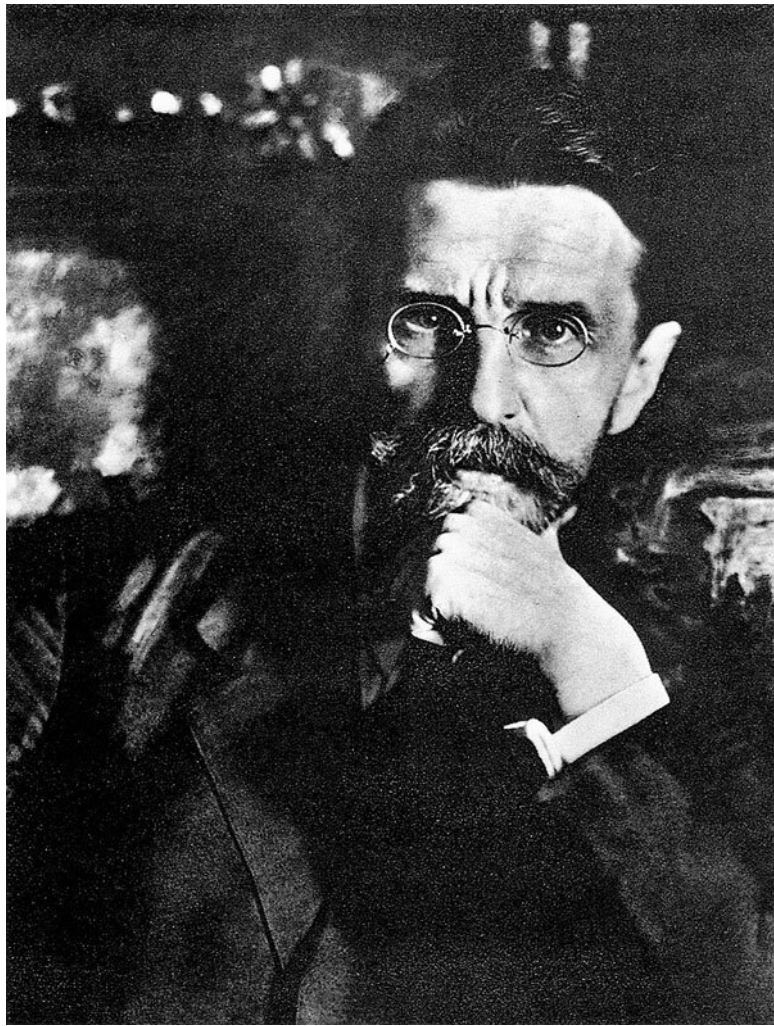
Л. И. Каннегисер. Как вспоминала Марина Цветаева: «Леня для меня слишком хрупок, нежен, цветок». Это не помешало ему стать убийцей

Началом террора русской политической эмиграции против лидеров большевиков стало убийство советского дипломата Вацлава Воровского 10 мая 1923 года. Во главе советской делегации он прибыл в Лозанну на международную конференцию по Ближнему Востоку, где должен был подписать конвенцию о режиме судоходства в контролируемых Турцией черноморских проливах. Она, кстати, действует до сих пор.

Вечером представитель Советской России ужинал в ресторане со своим помощником Максимом Дивильковским и берлинским корреспондентом Агентства новостей РОСТА (оно существует и по сей день, это всем известное ТАСС) Иваном Аренсом. Они были слишком увлечены, по всей видимости, очень важным и интересным разговором и потому не заметили, как из-за соседнего стола неспешно поднялся молодой человек и подошел к ним. Вступать в прения с большевиками он явно не собирался.

Воровский так и не успел понять, что происходит. Он был убит первым же выстрелом в затылок. Смерть наступила мгновенно. Еще две пули попали в журналиста. Последний выстрел был произведен в помощника дипломата. После этого террорист с улыбкой бросил оружие на пол и спо-

койно сказал подбежавшему метрдотелю: «А теперь зовите полицию!»»

В. В. Воровский – советский дипломат и жертва полити-

Никогда до этого убийства в российской политике не совершались с такой показной дерзостью и чувством полной безнаказанности.

Стрелял в Воровского известный белогвардеец Морис Конради. Как и многие другие родившиеся в России, он никогда не вспоминал про свои корни (в данном случае швейцарские), искренне считая себя русским. Во время Первой мировой войны он добровольцем ушел на фронт и дослужился до чина поручика. В первые годы революции Конради потерял почти всю свою семью. Взятый в заложники отец умер от голода в тюремной больнице, дядя и старший брат были расстреляны как агенты мировой буржуазии.

Сам же Конради был «дроздовцем», то есть служил в одной из самых прославленных частей Белой армии на юге России во время Гражданской войны. И не просто гужевался где-нибудь в тылу поближе к провиантскому обозу, а был адъютантом командира офицерской дивизии генерала Дроздовского. О нем даже пелось в марше: «Вперед поскачет Туркул славный, за ним Конради и конвой». Согласимся, далеко не каждый удостоился такой чести. Подобное ко многому обязывает, и Морис Конради это прекрасно понимал.

Штабс-капитан М. М. Конради. Одна из немногих сохранившихся фотографий

В марте 1923 года штабс-капитан приезжает в Женеву для встречи со своим однополчанином Аркадием Полуниным. Ему он доверительно сообщает о своем небольшом и скромном желании: немедленно убить кого-нибудь из вождей большевиков, чтобы отомстить за свою семью. Друг отнесясь с пониманием и взялся помочь. Тут же у них возникает план покушения на наркома иностранных дел Советской России Чичерина и представителя в Великобритании Красина. Конради отправляется в Берлин, но не застаёт известных большевиков в советском полпредстве. Огорченный, он возвращается в Женеву. Тут-то он и узнает о прибытии Воровского на международную конференцию. Судьба Вацлава Вацлавовича была решена.

Уже в наше время это убийство стали считать заказным. Согласно донесению в Москву одного из агентов иностранного отдела Государственного политического управления при НКВД РСФСР (ныне Служба внешней разведки России), Конради получил за это 100 тысяч франков. Деньги собрал генерал Кутепов (о нем мы подробно поговорим ниже), а передал их исполнителю его непосредственный начальник генерал Туркул (о нем я рассказывал в книге «Россия в огне Гражданской войны»).

В эмиграции об этом никто до хрипоты не спорил и даже

просто не рассуждал, и скоро вам станет понятно почему. Я же вполне допускаю, что деньги на покушение действительно были собраны. Но что это меняет в общей картине? Выглядит ли что-то принципиально иначе оттого, что Конради заплатили за убийство Воровского? Конечно же, нет. Штабс-капитан исступленно ненавидел большевиков и стрелял прежде всего ради своей идеи. Ему было без разницы, кого ликвидировать. Будь на месте Воровского Шляпников или Ногин, и они бы точно так же получили в тот день пулю в затылок. И ровно точно так же Конради счастливо улыбался бы приехавшим полицейским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.